

В.В. Малявин

V·V·马 拉 温

Михаил Васильевич Крюков (1932–2024). In Memoriam

**米哈伊尔·瓦西里耶维奇·克留科夫 (1932–2024)。
In Memoriam**

19 июня 2024 г. на девяносто втором году жизни скончался патриарх отечественного китаеведения Михаил Васильевич Крюков. Эта долгая жизнь охватила очень разные времена, вместила в себя очень разные по тематике и научным подходам исследова-

тельские проекты, но это была жизнь, прожитая на одном дыхании, наполненная одним вдохновенным порывом. Для меня Михаил Васильевич навсегда останется образцом всепоглощающей преданности науке, идеальной аккуратности в исследовании и непреклонной твердости характера и воли. Эти качества он пронес через всю жизнь, и я не помню случая, чтобы он изменил им хотя бы в мелочах. Истина была для него единственным критерием оценки и фактов, и идей, и людей. Только ею он поверял и научные концепции, и поступки отдельных лиц независимо от их статуса и властного ресурса.

Природа создала этого человека цельным куском прочнейшего гранита и, следовательно, позволила ему жить свободно и быть счастливым в самом корне своего бытия, не обращая внимания на внешние неурядицы и стойко перенося даже самые тяжелые испыта-

ния. Жить легко и удобно тому, кто построил свою жизнь на самом прочном основании – истине. Так я объясняю сделанное им в интервью для проекта «Российское китаеведение» признание в том, что считает себя оптимистом и что ему везет в жизни. Лучшим комментарием тут могут быть слова Лао-цзы: «Небо не благоволит никому, но всегда оказывается на стороне хорошего человека».

Подобно строителям древних пирамид, Михаил Васильевич складывал здание своей научной концепции из массивных незыблемых блоков, не заливая их жидким раствором идеологий и риторики. Он сделал своим кредо призыв Ху Ши (тоже, мягко говоря, предосудительного в советское время автора): «Меньше говорите об... измах, больше изучайте конкретные вопросы». Он не скрывал своего презрения к приспособленцам и карьеристам, невежд называл невеждами и открыто, но всегда аргументированно критиковал хоть президента Академии наук КНР, хоть самого Энгельса. В 60-е и 70-е годы прошлого века кое-кто называл его «антимарксистом», но всякий раз без каких-либо неприятных для него последствий. Думаю, дело в том, что его критика всегда была настолько убедительной и, как говорят, «конструктивной», что никто даже не брался спорить с ним. Та же верность истине и его отчетливая нравственная позиция приносили ему признание светил мировой науки и как будто случайно открывали новые перспективы и новые возможности для научных исследований. Напомню, что на рубеже 60–70-х годов Михаил Васильевич был частым гостем в популярнейшей тогда телепрограмме «Клуб кинопутешествий», где он со своей аккуратно подстриженной бородкой являл образец серьезного – и заманчиво свободного! – ученого, который по всей стране пользовался известностью и авторитетом, немислимыми для представителя научного сообщества в наше время. Позднее мимолетные встречи с именитыми иностранными учеными открывали ему двери западных академий и университетов, делали его организатором феерической выставки скифского золота в Японии или директором вновь созданного Института изучения России в одном из университетов Тайваня.

Счастливый сплав исследовательской добросовестности и твердой нравственной позиции предопределил многие как будто нелогичные повороты научной биографии Михаила Васильевича. Первый этап его научной карьеры в зрелом возрасте – исследования социального строя древнего Китая, дополняемые изучением эпиграфических и археологических данных древнейшей китайской истории. Его кульминацией стала фундаментальная монография о китайской системе родства, защищенная как докторская диссертация. Следующим этапом стала уникальная шеститомная серия исследований истории китайского этноса, написанная Михаилом Васильевичем в соавторстве с Н.Н. Чебоксаровым, Н.В. Софроновым, Л.С. Переломовым и автором этих строк. Затем последовала серия работ, посвященных древнекитайскому языку, и учебных пособий для изучающих современный китайский язык. А дальше – скачок в Новую историю: книга «Улица Мольера, 29» об эmissаре Интернационала в Шанхае, замечательном российском китаеведе и – внимание – дяде самого Михаила Васильевича Михаиле Георгиевиче Попове, а затем трилогия об истории советской дипломатии в Китае 20-х годов. Моральный долг и здесь имел решающее значение: для Михаила Васильевича эта работа была исполнением негласного завета матери восстановить память о ее брате, расстрелянном в 1930 г. И, наконец, завершение долгого творческого пути: написание пространных мемуаров, которые скоро увидят свет.

Как оценить наследие Михаила Васильевича? На первый взгляд, полноценных учеников у него вроде бы и нет. Да и сложно было бы стать учеником такого неординарного ученого, создавшего столь многоплановое наследие и преподававшего в столь многих местах, от Норвегии и Англии до Тайваня. Но в высшей степени привлекательна и поучительна сама тайна научной биографии Михаила Васильевича: счастливые, на грани чуда, повороты его жизни, показывающие, что честность и самоотверженный труд – лучший залог успеха, если, конечно, есть воля и мужество пройти свой путь до конца. У Михаила Васильевича все эти качества были.